

Горьковские спектакли

Установился прекрасный обычай — устраивать каждое лето спектакли-смотр периферийных театров в Москве. Это великолепный стимул к соревнованию периферийных театров — работать так, чтобы заслужить право на поездку в Москву, работать так, чтобы уехать из Москвы не только с «признанием», но и с запасом опыта, выслушав дружескую критику. Надо сказать, что в организации просмотров периферийных спектаклей эта часть — изучение показанной работы — поставлена далеко не блестяще. Это вызывает нарекания. И вполне справедливые. Комитету по делам искусств надо об этом подумать.

В этом году гастроли периферийных спектаклей в основном посвящены горьковской драматургии. Казалось бы, есть что подытожить, обобщить. Драматургия Горького занимает и будет занимать в театре весьма видное место.

И вот прошла горьковская конференция в Театральном обществе, прошла как парад докладов. А она должна была бы суммировать опыт периферийных театров, и работники этих театров должны были играть на конференции более активную роль. Все как будто подсказывало такой путь, но Театральное общество предпочло пойти по проторенной тропе и даже не попыталось превратить конференцию в творческую трибуну периферийных и столичных театров.

Периферийный театр вырос в мощную художественную силу, в коллектив, подчас не уступающий центральным театрам, а свежестью и непосредственностью игры даже превосходящий некоторые из них. О целом ряде горьковских пьес впервые вспомнили периферийные театры. О забытой «Васе Железновой», написанной еще в 1912 г., вспомнил ленинградский областной колхозный театр, показавший ее несколько лет назад на смотре колхозных театров. Он открыл в ней ту правду, которую буржуазный театр старался скрыть. О «Детях солнца» вспомнил замечательный коллектив Воронежского драматического театра, показав Москве прекрасный спектакль. Таким образом, и сама инициатива перечитать и заново осмыслить драматургическое наследие Горького принадлежит периферийным театрам. Горьковский репертуар периферийных театров включает пьесы, которые на московских сценах еще не шли — «Варвары», «Зыковы» и др.

Ивановский областной драматический театр. «Последние». А. М. Горького. Режиссер А. Ф. Лундин. 1-й акт. А. А. Дружинина — Софья, А. А. Савельев — Яков

Вот почему к горьковскому фестивалю периферийных театров надо подойти со всей бережностью и вниманием. Эта любовь и внимание не означают ни в какой мере «снисхождения» или пониженных требований. Периферийные театры давно в них не нуждаются и свободно выдерживают самую строгую, но дружескую критику.

Открыл смотр Ивановский областной театр.

«Васса Железнова» — режиссер А. Ф. Лундин.

Будем сначала строги.

Основной недостаток постановки — упрощенчество. Пьеса сведена к театральной «фабуле». И кое-где примитивные «социологические» подчеркивания. Одно дело великолепная горьковская простота, другое — упрощенчество. Горьковская простота — ясная, но сложная. Горький берет явления во всей их глубине. Не раз Горький предупреждал, что «классовый признак не следует наклеивать человеку на лицо, классовый признак не бородавка, это нечто очень внутреннее». То, что Васса хватается за карман, ни в какой мере еще не характеризует эту «умную, сильную, а рабыню», как определяет ее Рашель. Вовсе не обязательно Вассе говорить «не своим голосом», а басом. У Вассы мог быть и очень приятный голос, у нее, когда она наедине с собой, и лицо «ласковое, доброе». А меж тем «басовые» толкования Вассы стали уже дурной традицией.

Васса чрезвычайно сложный образ, полный драматического напряжения и психологических противоречий. Она «рабыня» той «клетки», которую сама построила, которую строила окружающая капиталистическая среда. Эта «клетка» исковеркала душу и жизнь Вассы. Она ненавидит этот дом, где «вот полтора десятка лет везет воз, огромное хозяйство, какую силу истратила». Ведь недаром и сам Горький во втором варианте пьесы ответил на второй план борьбу Вассы за «дело» и углубил в ней чувства жены и матери, распятые человеком ненавистническими отношениями окружающей общественной обстановки. «Не верю я тебе, не будет по твоему», — бросает она революционерке Рашели. Но скорей всего она боится верить, ведь «какую силу истратила». Вот что несомненно промелькнуло в сознании Вассы, когда она умирала.

Так ли выглядела Васса в Ивановском театре в исполнении актрисы Дружининой? Нет. Васса была здесь упрощена и схематизирована. Нужно ли во всем этом винить Дружинину? Следующий горьковский спектакль театра «Последние», в котором Дружинина играет роль Софьи, показал, что у актрисы есть все данные сыграть Вассу сильно, по-настоящему просто, а упрощенное толкование, видимо, было ей навязано режиссурой. Это тот случай, когда режиссер идет только от своего понимания пьесы вместо того, чтобы построить сценический образ в соответствии с данными актрисы. Быть может тогда и весь спектакль получился бы другим.

«В пьесах Горького, — дает совет актеру Станиславский, — нужно самому захватить мыслями и чувствами роли, и тогда сама собой передается тенденция пьесы. Прямой же путь, непосредственно направленный к самой тенденции, неизбежно приводит к простой театральности, к простой мелодраме». Так оно и случилось в Ивановском театре. Режиссер упростил сложное содержание замечательной пьесы, не сумел по-настоящему проработать ее с актерами, захватить их мыслями и чувствами роли, самому плениться актерскими мыслями и обобщить все это в тот «душевный посыл», когда сама роль начинает жить.

И наоборот, раз этого нет, актер или играет нечто, скучно решает навязанную ему задачу, или, пренебрегая всем, играет «актера», себя, прием. Так, некто играет Лесная Наталью не потому, что не может ее сыграть, а потому, что получила от режиссера только «тенденцию», а не «мысли и чувства роли». Или Колосов — разве не мог он сдержаннее, сильнее, характернее сыграть Прохора Храпова? Мог, — но Прохор не ожил перед ним, и актер вынужден «нажимать».

Второй горьковский спектакль Ивановского театра — «Последние». Он удачнее «Вассы Железновой». Но режиссерский примитивизм есть и здесь. Режиссер Лундин по какому-то смутным ассоциациям подменил Горького Чеховым. Сделал из «Последних» лирическую драму с немалой дозой сладкавого сентиментализма.

Несомненно, Горький в свое время испытывал влияние Чехова. «Горький, — вспоминает в недавно выпущенных мемуарах В. И. Немирович-Данченко, — оказался таким же влюбленным в Чехова, как и все мы, и чувство это сохранилось в нем навсегда». Но одно дело композиционное, структурное влияние, обаяние имени Чехова, другое — идейная устремленность, содержание. Здесь уже тогда, на заре горьковской близости к театру, они были совсем разные. «Один, — сказано и правильно характеризует их Немирович-Данченко, — сладкая тоска солнечного заката, стонущая мечта вырваться из этих будней и нежность красок и линий. Этот — тоже рвется из тусклого «сегодня», но как? С боевым кличем, с напряженным мускулами, с бодрой, радостной верой в «завтра», а не в двести-триста лет». И сам Горький, при всей «влюбленности» в Чехова, называет его героев «интеллигентами из тех, которые всю жизнь старались понять: почему так неудобно сидеть в одно и то же время на двух стульях».

Режиссер Лундин лишил пьесу ее напряженной, четкой мысли и социально-исторических характеристик. Иван Коломийцев — не просто полицейский держиморда, зубодобрыль. Коломийцев — опустившийся «барин», дошедший до службы в полиции. Сыновья Коломийцева придут в Булычевым наниматься для охраны

леса. На подачки Булычева будут они доживать свой век, пока пройдет пора и Булычевых. Если нет этой драмы разложившегося барства, гримас умирания последней «российского дворянства», — нет и настоящей драматической интриги, нет социальной атмосферы. «Мы лежим на дороге людей, — говорит Любовь, — как обломки какого-то старого, тяжелого здания, может быть, тюрьмы. Мы валяемся в пыли разрушения и мешаем людям идти». Этого-то и нет в спектакле.

Совершенно чудесно играла в «Последних» жену Ивана Софью — Дружинина. Все в ней убито «коломицевщиной», все принесено в жертву. Ради чего? Этот вопрос задает Дружинина-мать зрителю. Рядом горбушка Люба — ее дочь, вечное напоминание о «грехе» молодости. И Любу с хорошей искренностью играет артистка Давыдова.

В спектакле «Последних» можно отметить целый ряд хорошо исполненных ролей (Ланина — Надежда, Иенчиковская — Вера, Юрлова — Соколова, Зеленецкий — Лещ, няня — Евстафьева и др.). Видно, наиболее уязвимым местом театра является его режиссура.

Театральный Куйбышев (старая Самара) связан, как известно, с периодом газетной работы Горького. Здесь в радикальной по тем временам газете за подписью Иегудил Хламида печатались фельетоны Горького.

Самара не имела своих театров. Театральная жизнь на Волге сосредоточивалась в Саратове и Казани, в Самаре же изредка наезжали гастролеры. Событием театрального дня в Самаре, — вспоминает Горький, — были гастроли карликов. «Наверное, — писал Иегудил Хламида, — карлики будут иметь в Самаре колоссальный успех. Всякому любопытно посмотреть на людей, еще более маленьких, чем он сам. Самарские люди будут смотреть лилипутов и улаживать себя своеобразными случаями размышлениями: мы еще что, конечно, мы — люди не крупные, а все-таки бываю живые люди и еще мельче, чем мы».

Теперь Куйбышев — крупный театральный центр, имеющий пять больших постоянных театров — драма, опера и балет, оперетта, театр юного зрителя, ТРАМ и несколько передовых колхозных театров. Мне пришлось в 1935 г. познакомиться на месте с Куйбышевским драмтеатром. И тогда это был уже крепкий коллектив с талантливыми актерами. Сейчас театр еще больше вырос и дает все основания считать его одним из лучших периферийных театров.

Архангельский Большой драматический театр. «Дачники» М. Горького. Сцена из 2-го акта. Дворники: Пустобайка — К. С. Леонтьев, Кропилькин — И. Д. Плотников

Куйбышевский драматический театр. «Варвары». Режиссер И. А. Ростовцев. Д. А. Аникиев — Лукин и Р. Ф. Тапер — Ивакин

На горьковском фестивале это подтвердил спектакль «Варвары».

«Варвары» — одна из сравнительно редко идущих пьес Горького. Варвары — это представители «темного царства», которые иногда рвутся в ученые звания и степени. Еще неизвестно, кто больше варвары — бывшие в глухой захолустный город инженеры из центра или городской голова Редозубов, похожий на самодуров Островского. Инженеры-строители пока еще только начали строить дорогу, а уже насаждают карты, пьянство, кутежи, разврат. Это мешанина, которых страстно ненавидит Горький, и даже в заглавии не может удержаться от клеймющего «варвары». В этом — смысл пьесы, ее содержание. И прямое указание режиссуре.

В одной из последних своих статей Горький писал: «Для того, чтобы ядовитая, каторжная мерзость прошлого была хорошо освещена и понята, — необходимо развить в себе умение смотреть на него с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего». Это обязывает сыграть «Варвары» так, чтобы будить в зрителе презрение и ненависть к тем, кто мешал человеку в его поисках правды и счастья. А это значит, что надо избежать отвлеченно психологического оправдания «героев» пьесы, помня об исторической роли «варваров» — этих «врагов», как еще решительнее назовет их в следующей пьесе Горький. Нужно показать их душевную опустошенность, их внутренний цинизм.

В полной ли мере достигает этого спектакль? В основном — несомненно. Но моментами режиссура выпадает в соблазн чеховского лиризма, и тогда «варвары» превращаются в чеховских «лишних людей». Это влечение к Чехову можно проследить во всем спектакле, но особенно явно оно сказывается в конце. Рояль, капли падающего дождя — не этим «настроенческим» аккордом надо кончать «Варваров».

В пьесе много действующих лиц, и для каждого нашлся хороший исполнитель. Замечательно играет Шебуев инженера Пыганова. Его инженер — поистине варвар, пресыщенный благами жизни и равнодушный ко всему, кроме себя самого. Он холоден, равнодушен и вносит дух цинизма во все, с чем соприкасается. Ставил «Варваров» режиссер И. А. Ростовцев. Спектакль хорошо оформлен художником Плещовым. Из показанных пока на фестивале горьковских спектаклей «Варвары» несомненно лучший...

ЭМ. БЕСКИН

От редакции: В ближайших номерах газеты будет дан подробный разбор важнейших горьковских спектаклей периферийных театров.